

**СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РАБОЧИЕ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ**

Статья посвящена выявлению характера социально-трудовых отношений советского государства и промышленных рабочих в военное время. Данная проблематика впервые в отечественной историографии характеризуется через призму взаимодействия власти и общества в СССР. Показано, что в первой половине 1940-х годов основной характеристикой этого взаимодействия в сфере занятости являлось острое противоречие между мобилизационным принципом закрепления и стихийной текучестью новых кадров крупных заводов и фабрик из-за низкого уровня жизни. Делается вывод о том, что попытка высших партийно-государственных органов манипулировать трудовыми ресурсами преимущественно с помощью «репрессивного менеджмента» встретила скрытое и пассивное сопротивление работников, нередко выражавшееся в их бегстве с производства. Неэффективность принудительного прикрепления заводчан к рабочим местам вынудила власть в последние годы войны приступить к комплексному решению материально-бытовых проблем тружеников тыла на общесоюзном уровне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, социально-трудовые отношения, сфера занятости, государство, рабочие, заводская молодежь.

На протяжении 1930-х – 1980-х годов одним из важнейших каналов взаимодействия власти и общества в СССР являлись социально-трудовые отношения между государством и многочисленной армией рабочих, служащих, колхозников. В годы Великой Отечественной войны данные отношения стали фактором поддержания обороноспособности страны, поскольку на плечах тружеников тыла держалась вся мощь экономического потенциала страны. В этих условиях особое значение приобрели взаимоотношения властных институтов и людей в рабочей спецовке, от которых в значительной степени зависел исход вооруженной борьбы с германским фашизмом. С одной стороны, необходимость создания и развития военно-хозяйственной базы действующей армии потребовала от высшего руководства СССР проведения комплекса мероприятий по мобилизации заводского персонала на бесперебойный выпуск продукции для фронта. С другой стороны, стремление к выживанию в экстремальной повседневности больших

индустриальных городов побуждало трудящихся по-своему реагировать на решения Коммунистической партии и советского правительства. Подобное взаимодействие находило воплощение в различных сферах социально-трудовых отношений, в том числе в занятости, детерминированной функционированием механизмов найма и увольнения. В последнем случае государство стремилось сформировать и закрепить кадры в ведущих отраслях военной экономики, а работники — добиться от властей внимания к их материально-бытовым нуждам и в случае его отсутствия — поменять место работы.

К настоящему времени данный вопрос социально-экономической истории тыла 1941–1945 гг. получил существенное освещение в отечественной историографии. В советский период изучение этой темы, как и других проблем истории военного времени, велось в рамках патриотического дискурса. Социально-трудовые отношения между государством и рабочими в сфере занятости оценивались исключительно позитивно. Исследователи акцентировали внимание на том, что рабочий класс отличался сознательной дисциплиной, достигнутой Коммунистической партией преимущественно методами убеждения. Дисциплинарные нарушения, включая «трудовое дезертирство», объяснялись несознательностью заводской молодежи, не имевшей привычки к суровым условиям оборонного производства¹.

В постсоветской историографии 1990-х годов патриотический дискурс был заменен на тоталитарный. Суть этой замены сводилась к тому, что социально-трудовые отношения занятости между государством и рабочими стали характеризоваться преимущественно с отрицательной стороны. На место «сознательной дисциплины» был поставлен административный контроль, установленный над тружениками тыла сталинским режимом в основном методами принуждения. Причины проступков дисциплинарного характера, в том числе связанных с массовой текучестью кадров, исследователи объясняли бездушным отношением «тоталитарной системы» к работникам военной экономики².

¹ См., например: *Митрофанова А.В.* Рабочий класс Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. М., 1971; и др.

² См., например: *Кньшевский П.Н.* Государственный Комитет Обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53–65; *Данилов В.Н.* Война и власть: чрезвычайные органы регионов России в годы Великой Отечественной войны. Саратов, 1996; и др.

Современная отечественная историография отличается отсутствием какого-либо единого и «неоспоримого» дискурса. Впервые со времени окончания войны социально-трудовые отношения между государством и рабочими стали рассматриваться во всем их многообразии и неординарности. В качестве основы этих отношений изучалась многовариативная система мероприятий по стимулированию производственного персонала с помощью широкого арсенала способов вознаграждения, побуждения и принуждения. По мнению ряда авторов, проблема закрепления кадров на предприятиях оборонного значения обуславливалась комплексом негативных факторов военного времени¹.

Таким образом, за последнюю четверть века отечественная историография прошла путь от игнорирования к взвешенному признанию того факта, что интересы государства и работников тыла в некоторых точках неизбежно расходились. Но в современных исследованиях этому противоречию дается узкое, социально-экономическое объяснение: значительная часть персонала бежала с предприятий, поскольку не работали материальные стимулы к труду. Вместе с тем, исследуемое явление имеет и другую причину, заключающуюся в мере способности партийно-государственного аппарата осуществлять реальную власть над промышленными рабочими как над одной из больших групп советского общества.

В отличие от стран с рыночной экономикой, в которых органы государственной власти являлись преимущественно регуляторами трудовых отношений, в СССР государство выполняло роль работодателя-регулятора. Оно обеспечивало трудоспособных граждан работой и одновременно строго регламентировало решение всех вопросов, связанных с производственной деятельностью, в том числе вопросы найма и увольнения. В подобных действиях проявлялась одна из властных функций советских партийно-государственных институтов, для которых рабочие выступали в основном как объекты социально-трудовых отношений. В первой половине 1940-х годов эти субъект-объектные отношения приобрели наиболее жесткий и прямолинейный характер. И весь парадокс ситуации заклю-

¹ См., например: *Тогоева С.И.* Факторы влияния на мотивацию труда (на материалах Тверского вагоностроительного завода в 1941–1951 гг.) // Экономическая история. Обзорение. М., 2002. Вып. 8. С. 39–56; *Сомов В.А.* «Потому что была война...»: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Н. Новгород, 2008; и др.

чался в том, что их интенсивное применение на практике побуждало многих работников к занятию позиции субъекта, чье поведение не вписывалось в жесткие рамки трудового права военного времени. Необходимо показать, почему так происходило и как государственная власть пыталась разрешить это противоречие с целью укрепления контроля над рабочим классом.

В годы Великой Отечественной войны социально-трудовые отношения занятости регулировались указами Президиума Верховного совета СССР (ПВС) и постановлениями Совета народных комиссаров СССР (Совнаркома), принятыми с 26 июня 1940 по 13 февраля 1942 г. Суть этих нормативно-правовых актов сводилась к введению и распространению мобилизационного принципа формирования и закрепления кадров в основных отраслях народного хозяйства. В сфере трудоустройства советские законодатели прошли путь от призыва молодежи в возрасте от 14 до 17 лет в учебные заведения государственных трудовых резервов и направления их выпускников на предприятия¹ до принудительной мобилизации незанятого трудоспособного населения в промышленность и строительство². В сфере увольнения — от запрета на свободную смену места работы под угрозой судебного преследования³ до объявления персонала оборонных и смежных с ними заводов мобилизованным и введения по существу военной дисциплины с резким ужесточением уголовных наказаний за ее нарушение⁴. С 13 февраля 1942 по 30 декабря 1944 г. законодательно был повышен предельный возраст женского контингента⁵ и изменены условия его освобождения от призыва на

¹ Указ ПВС СССР от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах СССР».

² Указ ПВС СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве».

³ Указ ПВС СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

⁴ Указ ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий».

⁵ Указ ПВС СССР от 19 сентября 1942 г. «О повышении предельного возраста женщин, подлежащих мобилизации в соответствии с указом Президиума Верховного совета СССР от 13 февраля 1942 г. „О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве“».

производство¹, расширена сфера действия² и предприняты попытки устранения недостатков в применении указа от 26 декабря 1941 года³. На рубеже 1944–1945 гг. государство с предоставления амнистии «трудовым дезертирам»⁴ начало постепенное отступление от жестких мобилизационных практик, полностью завершившееся к середине 1950-х годов. В целом в рассматриваемый период советское государство пыталась укрепить свое господство над работниками военной экономики за счет внедрения в систему социально-трудовых отношений элементов милитаризации.

В условиях острой нехватки рабочих кадров в тыловых районах СССР государственные органы проводили крупномасштабные кампании по привлечению незанятого населения в ведущие отрасли народного хозяйства. В частности, практиковались следующие формы обязательного трудоустройства: мобилизация мужчин от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 (50) лет на предприятия; призыв молодежи до 18 лет на производство через систему гострудрезервов; направление военнообязанных, негодных к службе РККА, в строительные батальоны и рабочие колонны. В первой половине 1940-х годов промышленность, строительство и транспорт получили около восьми миллионов человек, в том числе 3,1 млн — непосредственно из числа неработавших, 2,5 млн — из ремесленных и железнодорожных училищ, школ фабрично-заводского обучения, 2,3 млн — через стройбаты и рабочие колонны. (см. таблицу 1). За четыре с половиной года несколько миллионов неработавших граждан трудового возраста, в основном молодежь, были вынуждены стать рабочими в экономических интересах воевавшего государства. На первый взгляд, приведенные данные свидетельствуют о безграничном влиянии власти на общество, покорно подчинявшееся директивам высшего руковод-

¹ Указ ПВС СССР от 7 августа 1943 г. «Об изменении пункта “б” статьи 3 указа Президиума Верховного совета СССР от 13 февраля 1942 г. “О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве”»

² Указ ПВС СССР от 11 июня 1942 г. «О распространении указа от 26 декабря 1941 г. на рабочие и служащие угольной промышленности» и т. п.

³ Постановление СНК СССР от 29 июня 1944 г. «Об устранении недостатков в практике применения указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года».

⁴ Указ ПВС СССР от 30 декабря 1944 г. «Об амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно возвратившимся на эти предприятия».

ства страны. Но эта картина являлась лишь одной, парадной стороной медали, демонстрировавшей бесспорные достижения советской командно-мобилизационной системы. Ее оборотной, «теневой» стороной были явные недостатки и просчеты, в итоге минимизировавшие реальный эффект от реализованных решений партии и правительства.

Таблица 1

Мобилизация гражданского населения в промышленность, строительство и на транспорт в 1941–1945 гг.*

Год	Направлено, тыс. чел.			
	всего	в том числе		
		на предприятия из числа неработающего населения	на предприятия из числа выпускников гострудрезервов	в стройбатальоны и рабочие колонны из числа военно-обязанных
1941 (июль – декабрь)	1288,3	120,8	439,5	728,0
1942	1357,6	733,9	569,1	54,6
1943	2210,3	890,7	597,8	721,8
1944	2203,9	1113,3	416,4	674,2
1945	858,9	272,5	457,5	128,9
Итого	7919,0	3131,2	2480,3	2307,5

* Составлено по: ГА РФ. Ф.Р-9507. Оп. 1. Д. 211. Л. 7; Ф.Р-9517. Оп. 1. Д. 25. Л. 85–86.

Ключевая проблема взаимоотношений между государством-работодателем и новыми рабочими заключалась в том, что последние принимали статус мобилизованного контингента лишь на непродолжительное время. С одной стороны, многие труженники тыла осознавали необходимость такого правового положения и вытекавшей из него жесткой производственной дисциплины. «Дисциплина на заводе была строжайшей. За 15–20 мин. опоздания на работу могли отдать под суд. Но все мы понимали, что законы военного времени должны быть суровы, любая расхлябанность была бы на руку врагу»¹, — вспоминал ветеран омского танкового завода № 174 В.А. Белов. С другой стороны, данная установка не являлась постоянной, поскольку в рассматриваемый период крупные

¹ Обожгла наше детство война. Сборник воспоминаний детей военного времени. Омск, 2010. С. 32.

предприятия столкнулись с широкомасштабной текучестью рабочих кадров. Этот процесс приобрел как законный (призыв в армию, уход на учебу, в отпуск по беременности и т. п.), так и незаконный (самовольные уходы) характер. Во втором случае речь шла о массовом бегстве трудящихся с производства, несмотря на угрозу уголовного наказания.

В военное время «дезертирство» являлось одной из основных форм оттока трудовых ресурсов из индустрии советского тыла. Об этом свидетельствуют данные о движении рабочей силы в отдельных отраслях оборонной промышленности. Например, в январе – мае 1941 г. предприятия наркомата боеприпасов (НКБ) незаконно покинул каждый 25 уволенный работник, 1943 г. — каждый четвертый, в 1944 г. — каждый третий (см. таблицу 2). Увеличение удельного веса самовольных уходов в общем потоке трудящихся, выбывших с производства, происходило на фоне ужесточения репрессивного законодательства. Если до 26 декабря 1941 г. данные проступки наказывались лишением свободы от двух до четырех месяцев, то после этой даты — от пяти до восьми лет. Но на практике усиление формальных рычагов административного влияния на поведение значительных рабочих масс оборачивалось его колоссальным снижением (число «дезертиров» на заводах НКБ выросло в 19 раз!). То есть эффективность партийно-государственного аппарата по осуществлению реального контроля над персоналом в одной из важнейших сфер военной экономики резко снизилась.

Таблица 2

Динамика текучести кадров на предприятиях НКБ СССР в 1941–1944 гг.*

Период	Убыло			
	всего		в том числе самовольные уходы	
	тыс. чел	%	тыс. чел	%
1941 (январь – май)	28,4	100,0	1,1	3,9
1943	64,2	100,0	13,3	20,7
1944	54,5	100,0	19,4	35,6

* Составлено по: РГАЭ. Ф.Р-7516. Оп. 1. Д. 1396. Л. 52.

Тенденция к уменьшению эффективности реального контроля над значительной массой мобилизованных работников со стороны государства наблюдалась и в других отраслях военно-промышлен-

ного производства. За первые девять месяцев 1942 г. в авиационную индустрию поступило 187 тыс. человек, в частности по мобилизации — 108 тыс. В этот же период из числа новых рабочих по различным причинам выбыли 57 тыс. человек, включая болезни и самовольные уходы — 18 тысяч. С апреля по июль 1942 г. количество прогульщиков и «дезертиров» на авиазаводах выросло с 5,0 до 9,5 тыс. человек¹. С 1 января 1942 по 1 февраля 1943 г. промышленность вооружения получила 100 тыс. человек, из которых за это время самовольно ушли 25 тыс. человек². За 1943 и первый квартал 1944 г. потеря рабочей силы на заводах, выпускавших резиново-каучуковую продукцию, составила 4,2 тыс. человек. Из них самовольные уходы совершили 1,1 тыс. человек³. В первом полугодии 1944 г. текучесть кадров на заводах транспортного машиностроения (Коломенском, Московском тормозном и Калининском вагоностроительном) в абсолютном выражении достигла 1,9 тыс. человек. Из-за дезертирства предприятия утратили не менее тысячи рабочих рук⁴. В годы войны многие работники разрывали принудительный «трудовой контракт» для того, чтобы перейти на новое место работы и заключить договор о найме в качестве самостоятельной рабочей силы.

В чем же заключались основные причины противоречий, возникших в военное время между властью и обществом в сфере социально-трудовых отношений? Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать весь корпус источников, в которых нашла отражение вся совокупность взглядов как работодателя-регулятора, так и рабочих на ситуацию, сложившуюся на крупных промышленных предприятиях советского тыла. С одной стороны, речь идет о документах, содержащих официальную позицию представителей высших партийно-государственных структур. С другой стороны, о делопроизводственных материалах ЦК ВЛКСМ, областных, районных и первичных партийных и комсомольских организаций, в которых отражены личные настроения трудящихся.

Первоначально рассмотрим вербальные проявления недовольства со стороны тружеников военно-промышленного производства, опосредованно зафиксированные в отчетах комсомольских работников. В конце 1942 г. инструктор Новосибирского обкома комсо-

¹ РГАЭ. Ф.Р-8044. Оп. 1. Д. 4467. Л. 303.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 225. Л. 64.

³ РГАЭ. Ф.Р-5451. Оп. 26. Д. 316. Л. 65.

⁴ Там же. Л. 66.

мола Хесина, посетившая завод № 564 НКБ, констатировала наличие в среде молодых заводчан негативных настроений. Она отметила, что из-за неудовлетворенности бытовых запросов среди них «появились разговоры и толкования, [что] если не создадут условий, убежим, и случаев побега очень много»¹. В 1943 г. городскому комитету ВЛКСМ о подобных фактах сообщила комсорг завода № 65 НКБ Некрасова: «[...] Ребята, которые прожили зиму 1942/43 г. в тяжелых материальных условиях, бегут по 15–22 чел. в день, заявляя, что мы все разбежимся»². Иными словами, безразличное отношение производственных руководителей к повседневным проблемам молодых рабочих побуждало их при общении с комсомольскими функционерами напоминать об угрозе «трудового дезертирства». Инструкторы обкомов и райкомов комсомола, комсорги предприятий тщательно фиксировали и пытались донести эти сигналы до своего руководства. Например, 18 марта 1943 г. инструктор Новосибирского обкома ВЛКСМ Одинцов в справке, составленной по итогам проверки завода им. В.П. Чкалова, сообщал начальству о массовых дисциплинарных проступках, совершенных «на почве исключительно плохой материальной обеспеченности молодых рабочих»³. В свою очередь руководители областных комсомольских организаций стремились направить полученную «снизу» информацию в местные партийные комитеты и ЦК ВЛКСМ. Оттуда сводки о настроениях в среде рабочего юношества поступали в ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР.

До центральных и местных властей доходили не только отголоски устного общения трудящихся и работников комсомольских органов, но и письменные обращения заводчан, направленные в руководящие органы ВКП(б) и ВЛКСМ. В июле 1944 г. Центральный комитет комсомола подготовил на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова справку о недостатках в материально-бытовом обеспечении молодых рабочих. В этом документе были процитированы их отдельные письма, поступившие в ЦК ВЛКСМ.

Особый интерес представляет письмо выпускников ремесленного училища, направленных из Киева в г. Курган на завод № 407, поскольку под ним поставили подписи 90 жильцов одного из молодежных общежитий. Вот как «подписанты» охарактеризо-

¹ ГАНО. Ф.П-190. Оп. 2. Д. 708. Л. 37.

² ГАНО. Ф.П-198. Оп. 1. Д. 186. Л. 182.

³ ГАНО. Ф.П-190. Оп. 2. Д. 951. Л. 69; Ф.П-738. Оп.1. Д. 272. Л. 20.

вали свой барачный быт: «В общежитии крыша фанерная, во время дождя протекает. Зимой очень холодно, а летом множество тараканов и клопов. В выходной день переодеть совсем нечего, все время приходится ходить в грязной спецовке, босыми, а летом при большой температуре в ватных брюках. Администрация завода обещала выдать к 1-му мая костюмы, но уже 29 июня, а их нет. В выходные дни в столовой не дают обеда. Когда обращаемся к начальнику цеха, [он] отвечает: „Кончил смену, уходи хоть в трусах, если нечего одеть“»¹.

Перечисляя свои повседневные тяготы, заводская молодежь отмечала, что представляет «большую квалифицированную силу», бытовые нужды которой несправедливо игнорируются начальством. Хотя авторы письма открыто не «грозили» самовольным уходом с предприятия, данная форма возможного неповиновения как бы логически вытекала из их тяжелого бытового положения. Потенциальная угроза «дезертирства» возникала из-за того, что высокие производственные результаты молодых рабочих не конвертировались в материальную поддержку со стороны хозяйственников.

Более откровенно это ключевое противоречие социально-трудовых отношений периода Великой Отечественной войны выражено в письме учащихся ремесленного училища № 3 Новосибирска от 2 декабря 1944 г., адресованном первому секретарю горкома ВКП(б) Г.М. Асланову. В нем сообщалось, что «директор Козлов не обращает на нас [внимание,] мы раздеты. Кормят плохо [...]. Окна в общежитии не ремонтируют[,] нам новый комендант все делает[,] а ему никто не помогает[...], нам его уже жалко[:] вы хотя помогите. Козлов никогда не говорит правду[:] ему не кто не верит[:] узнайте[,] как он и работников своих обманывает. Если непоможете[,] будем уходить домой»².

Картина в целом аналогичная содержанию предыдущего источника. «Ремесленники» сообщают руководителю городской партийной организации о тяготах барачного быта. Но здесь лейтмотив послания является предельно открытым и явным: дальнейшее невнимание к тяжелым условиям жизни учеников неизбежно приведет к их бегству из училища. Данная ситуация примечательна тем, что будущие молодые рабочие отрефлексовали и письменно зафиксировали ту формулу взаимоотношений с государством-рабо-

¹ РГАСПИ. Ф.М-1. Оп. 8. Д. 236. Л. 59.

² ГАНО. Ф.П-22. Оп. 3. Д. 1184. Л. 60.

тодателем, которая незримо присутствовала в поведении многих молодых заводчан, бежавших с производства.

Какова же была официальная позиция власти и общественных организаций по поводу решения острой проблемы закрепления новых кадров в ведущих отраслях промышленности? Получая негативные сигналы из рабочей среды, партийные, комсомольские и профсоюзные руководители областного, районного и заводского уровня быстро поняли всю иллюзорность попыток удержания мобилизованной рабочей силы на предприятиях с помощью одной лишь узды репрессий. 1 октября 1942 г. в Прокопьевске состоялось собрание городского партийного актива, начавшееся с выступления первого секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагина. В нем отмечалось, что «работу надо начинать со столовой, с матрацов (так в источнике. — *Р.Р.*), с одежды и ботинок, с общежитий, с трамвая, с дороги, по которой идет рабочий...»¹. По мнению руководителя областной парторганизации, решение вопросов благоустройства быта трудящихся должно было занять одно из ключевых мест в деятельности городских, районных, заводских комитетов ВКП(б) и ВЛКСМ.

Аналогичного взгляда на способы укрепления производственной дисциплины придерживался и ЦК ВЛКСМ. Его аппарат первым из высших руководящих органов обратил пристальное внимание на чрезвычайно низкий уровень жизни молодых заводчан и приступил к налаживанию массовой культурно-бытовой работы на предприятиях. По итогам проведенных по указанию ЦК партии проверок крупных заводов и фабрик ЦК комсомола принял постановление от 3 октября 1942 г. «О многочисленных фактах формально-бюрократического отношения к молодым рабочим и неотложных мерах по усилению работы комсомольских организаций среди этих рабочих». Успешная реализация этой директивы на местах позволяла обеспечить рабочую молодежь жилплощадью, одеждой и обувью, дополнительным питанием и, тем самым, закрепить ее на производстве.

Однако низовые комитеты комсомола сталкивались с острым дефицитом материальных ресурсов, распределявшихся на усмотрение дирекции заводов. Директора далеко не всегда оказывали административную поддержку комсомольцам в их стремлении отстоять жизненно важные интересы молодых работников. По-

¹ ГАНО. Ф.П-4. Оп. 6. Д. 383. Л. 142.

этому в уже упомянутой справке, подготовленной в июле 1944 г., секретарь ЦК ВЛКСМ Сахарова отмечала назревшую потребность во вмешательстве высших партийно-государственных структур в решение острых социально-бытовых проблем, резко осложнявших производственную деятельность крупных трудовых коллективов. Характеризуя бедственное положение рабочего юношества, она отмечала, что «ряд предприятий и наркоматов привыкли легко получать удовлетворение своих заявок на рабочую силу, считая людей сотнями и тысячами, [но] совершенно не интересуясь судьбой отдельных, по-настоящему не дорожа рабочими»¹. Именно безответственное отношение к рабочим, по мнению автора документа, толкало мобилизованную молодежь на самовольный уход с производства.

Несмотря на поступающие снизу тревожные предупреждения, в среде высокопоставленных партийных и правительственных чиновников длительное время сохранялась инерция избранного в начале войны административно-репрессивного курса. Об этом наиболее красноречиво свидетельствуют два документа, подготовленные соответственно в недрах Комиссии партийного контроля (КПК) и наркомата вооружения. Первым из них по времени появилась справка КПК, составленная на имя членов ЦК ВКП(б) В.М. Молотова, А.А. Андреева и Г.М. Маленкова 1 марта 1943 года². В ней сообщалось, что в ходе применения указа от 26 декабря 1941 г. НКВД, наркомат юстиции и прокуратура СССР разрешили военным трибуналам при невозможности задержания дезертиров в установленный Совнаркомом пятидневный срок проводить рассмотрение уголовных дел и выносить судебные приговоры по ним в заочном порядке. Далее речь шла о широком распространении подобной практики, в результате осуществления которой уголовные наказания становились фиктивными. С точки зрения авторы документа, подобная ситуация возникла в силу медленной реакции директоров предприятий и местных прокуроров на массовые нарушения производственной дисциплины, из-за которой «дезертиры» успевали скрыться от правосудия. Следовательно, члены КПК полагали, что именно неповоротливость судебно-следственной машины привела к разгулу дисциплинарных нарушений.

¹ РГАСПИ. Ф.М-1. Оп. 8. Д. 236. Л. 61.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 225. Л. 7–8.

Второй документ являлся справкой от 14 июля 1943 г., составленной заместителем наркома вооружения Н.П. Карасевым на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова¹. В ее тексте были названы условия, обусловившие массовый отток персонала с заводов и фабрик: провоцирование работников на самовольный уход с ведущих предприятий со стороны хозяйственных органов и контор разных учреждений, потерявших в ходе трудовых мобилизаций часть собственных кадров; укрывательство и принятие дезертиров на работу на другие предприятия и в колхозы; заочное рассмотрение уголовных дел правонарушителей; потеря рабочих рук в результате их задержания. Таким образом, с позиции руководства одного из военно-промышленных наркоматов «дезертирство» рабочих обуславливались борьбой за трудовые ресурсы, невыполнением или неэффективным применением репрессивного законодательства.

В целом советские администраторы и руководители общественных организаций видели два подхода к борьбе с текучестью кадров. Первый из них заключался в том, что для ее профилактики необходимо создать для рабочих приемлемые материально-бытовые условия, второй — повысить эффективность репрессивной политики. Вплоть до 1944 г. на уровне центральной власти имела место явная переоценка действенности угрозы уголовного наказания, распространявшегося на нарушителей производственной дисциплины. Преобладание данной установки в «верхах» обуславливало поведение многих директоров, начальников цехов, мастеров, видевших в суровых судебных приговорах основной рычаг стабилизации кадрового состава промышленных предприятий.

Желание работодателя-регулятора закрепить трудящихся в военно-промышленном производстве за счет уголовных мер вылилось в широкомасштабное применение указов от 26 июня 1940 и 26 декабря 1941 г. (см. таблицу 3). Всего в первой половине 1940-х годов за самовольный уход и «дезертирство» с предприятий, как очно, так и заочно было осуждено около двух миллионов человек. На протяжении 1941–1943 гг. общая численность сбежавших рабочих и служащих и оказавшихся под судом существенно росла, а в 1944–1945 гг. — напротив, стала уменьшаться. В начальный период войны среди них также появилась и значительно выросла категория «дезертиров трудового фронта». Если в 1942 г. данный контингент составлял меньше трети всех осуж-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 225. Л. 64–65.

денных работников, то в 1943 г. — около трех четвертей. Этот рост удельного веса объясняется главным образом распространением действия указа от 26 декабря 1941 г. на гражданские отрасли народного хозяйства. В 1944 г. доля подвергнутых уголовному наказанию за «дезертирство» начала сокращаться, но по-прежнему превышала три пятых контингента осужденных. В 1945 г. она стремительно упала, уменьшившись примерно до двух пятых. Резкое снижение данного показателя в конце войны было вызвано объявлением амнистии «дезертирам» и сужением сферы применения репрессивного законодательства.

Таблица 3

Применение репрессивного трудового законодательства в промышленности, строительстве и на транспорте в 1941–1945 гг.*

Год	Осуждено				
	Всего	В том числе			
		За самовольный уход		За «дезертирство»	
		тыс. чел	%	тыс. чел	%
1941	311,0	311,0	100,0	–	–
1942	418,2	297,1	71,0	121,1	29,0
1943	527,1	160,1	30,4	367,0	71,4
1944	443,6	167,6	37,8	276,0	62,2
1945	190,3	117,3	61,6	73,0	38,4
всего	1889,8	1053,0	55,7	836,8	44,3

* Составлено по: *Земсков В.Н.* Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы войны с фашистской Германией // *Международные отношения.* 2014. № 1. С. 110.

Как показывают приведенные данные, рост административно-репрессивного давления на производственный персонал предприятий пришелся на 1942–1943 гг. Но выше уже говорилось о том, что этот способ разрешения углублявшихся противоречий в социально-трудовых отношениях работодателя и работников не приносил ожидаемого эффекта. Летом 1944 г. Совнарком СССР предпринял попытку добиться его путем отмены заочного рассмотрения уголовных дел «дезертиров» в судебных инстанциях. Но, в отличие от предыдущих военных лет, больших надежд на политику «кнута» правительство уже не возлагало. В связи с этим на первый план в общегосударственных мероприятиях по закреплению кадров в промышленности вышло улучшение материально-бытового обеспечения.

О преобладании на заключительном этапе войны в высших эшелонах власти более гибкого подхода к сохранению рабочей силы свидетельствует стенограмма совещания заместителей наркомов и председателей ЦК отраслевых профсоюзов, состоявшегося в ВЦСПС 19 июня 1944 года¹. Во вступительной речи председатель ВЦСПС В.В. Кузнецов сообщил о фактах обсуждения вопроса о текущих трудовых ресурсах в ЦК партии и Совнарком. Поворот высшего руководства СССР лицом к этой предельно обострившейся проблеме мотивировал участников совещания к выявлению широкого круга факторов «трудового дезертирства». По содержанию их выступлений можно выделить несколько групп этих факторов: административные — формальное отношение директоров заводов к судебному преследованию за дисциплинарные нарушения; социально-бытовые — острейшая нехватка жилья, плохое отоваривание продовольственных карточек, слабое развитие сети заводских подсобных хозяйств; производственные — низкий уровень профессионального обучения, отсутствие перспектив для повышения квалификации, тяжелые условия труда; социально-психологические — желание многих мобилизованных рабочих вернуться на «малую родину». Основное внимание выступающие уделили проблеме поиска путей выхода из жилищного и продовольственного тупика. В этом смысле весьма показательным является изменение позиции заместителя наркома вооружения Н.П. Карасева, ранее считавшего главной причиной самовольных уходов недостаточное использование заводским начальством репрессивных законов. Теперь же он говорил о том, что «если не выправим положения с бытом, то какие бы репрессивные меры не принимались, текучесть не устраним»².

Документальные материалы упомянутого совещания в ВЦСПС интересны также и с точки зрения обобщения уже сделанных конкретных шагов по качественному улучшению социальной обстановки на производстве. Например, заместитель наркома авиационной промышленности В.И. Тарасов рассказал коллегам о том, как вмешательство ЦК ВКП(б) помогло добиться от руководства ряда заводов отрасли бесперебойного отоваривания продовольственных карточек рабочих и служащих. Председатель ЦК союза черной металлургии Центра Евстратов охарактеризовал позитивное влияние благоустройства общежитий на трудовое поведение

¹ ГА РФ. Ф.Р-5451. Оп. 26. Д. 316. Л. 16–27.

² Там же. Л. 24.

работников Косогорского сталелитейного завода. После того, как заводской актив отремонтировал жилые дома, в дирекцию стали поступать просьбы от мобилизованных рабочих о предоставлении им благоустроенных квартир при условии полной готовности трудиться на предприятии. Председатель ЦК союза обувной промышленности Асланов привел в качестве примера случай со снятием директора Свердловской фабрики, допустившего массовое бегство учеников ремесленного училища и школ ФЗО. Но когда, по его словам, новое фабричное руководство улучшило материально-бытовое снабжение рабочей молодежи, то «дезертирство» пошло на убыль¹. Эти и другие факты свидетельствовали о том, что в последние военные годы государство в целях укрепления контроля над основным промышленным персоналом в сфере занятости стало постепенно переходить от применения мобилизационных технологий в пользу социально ориентированных.

В целом накануне и в годы Великой Отечественной войны взаимоотношения власти и общества в СССР приобрели специфику, обусловленную подготовкой и ведением вооруженной борьбы с фашистской Германией. Данные условия оказали огромное влияние на все стороны взаимодействия государства и основных социальных групп населения, включая промышленных рабочих. Существенные изменения, присущие военному времени, затронули социально-трудовые отношения, возникавшие между партийно-государственными органами, подчиненными им хозяйственниками, с одной стороны, и рядовыми работниками предприятий, с другой. Основным направлением этих перемен в сфере занятости являлся переход от преобладания свободного найма и увольнения к ограничению форм трудоустройства обязательным призывом на производство и прикреплению трудящихся к постоянному месту работы за счет переноса на оборонные и отчасти гражданские заводы элементов военной дисциплины и применения уголовных санкций за ее нарушение.

По замыслу советского законодателя, комплекс мобилизационных мер должен был привести к увеличению власти государства-работодателя над рабочими и, как следствие, — усилению административно-репрессивного контроля над ними. Однако убежденность в достижении данного результата при игнорировании жизненных интересов рядовых работников оказалась несбы-

¹ ГА РФ. Ф.Р-5451. Оп. 26. Д. 316. Л. 17, 21, 27.

точной бюрократической иллюзией. Вопреки ожиданиям высшего руководства страны отрасли военно-промышленного производства захлестнула волна «трудового дезертирства». Подобное явление было особенно распространено среди заводской молодежи, испытывавшей неимоверные трудности при адаптации к аскетическому быту военной поры. Острые материально-бытовые проблемы вынуждали молодых тружеников порой затрагивать весьма болезненную для власти тему самовольных уходов как решающий аргумент в борьбе за улучшение условий своей повседневной жизни. В этих условиях вопрос о закреплении новых кадров на предприятиях оборонного значения быстро превратился в очень тугой узел социальных противоречий, нараставших между государственной машиной и самой массовой возрастной группой промышленных рабочих.

Желание распутать этот узел побуждало партийно-государственные органы использовать для преодоления стихии рабочей силы в военной экономике как уголовные репрессии, так и систему жизнеобеспечения. Во втором полугодии 1941 – 1943 г. центральная власть стремилась закрепить производственные кадры прежде всего с помощью «кнута» судебного преследования, оставляя распределение весьма скудного «пряника» материального снабжения в ведении директоров предприятий, а также местных партийных и комсомольских организаций. Поскольку дефицитные блага зачастую распределялись далеко не в пользу основной массы молодых заводчан, последние реагировали на эту ситуацию побегам с производства. Только в 1944 г. высшие властные инстанции окончательно пришли к выводу о том, что наиболее действенным способом управления рабочей массой является возведение мер по благоустройству быта заводских общежитий в ранг общегосударственной политики.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны социально-трудовые отношения по регулированию занятости на советских предприятиях отражали всю сложность и противоречивость взаимодействия власти и общества в условиях тыловой повседневности. Несмотря на мобилизационное положение, существенно обновленный молодым пополнением советский рабочий класс так и не стал послушным винтиком в руках партийно-государственного аппарата. Его попытка манипулировать трудовыми ресурсами в основном с помощью «репрессивного менеджмента» вызвала скрытое и пассивное сопротивление со стороны части трудящихся,

особенно молодого поколения, выражавшееся в самовольном оставлении ими производства. Этот латентный конфликт не перерос в открытый, что позволило сохранить внешнее морально-политическое единство государства и его граждан перед лицом внешнего врага. Однако неэффективность принудительного прикрепления заводчан к рабочим местам вынудила власть в последние годы войны приступить к комплексному решению материально-бытовых проблем тружеников тыла на общесоюзном уровне. И тем самым действовать прежде всего в интересах трудящегося народа, ставшего подлинным победителем не только военной, но и экономической машины германского фашизма.